

## Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневногo сопротивления. Часть 2

Наталья Петровна Рыжова  
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия;  
Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия, n.p.ryzhova@gmail.com

**Аннотация.** Окончание статьи о практиках рутинного сопротивления российских корейцев. Автор следует научной программе, заложенной Дж. Скоттом, но при этом отказывается от его идеи о последовательности государства. Работа демонстрирует, как неформальные экономические практики корё сарам (кобонди, базарная торговля, производство "корейских салатов") были связаны с другими формами ненаправленного сопротивления. Парадоксальной "другой формой" в советское время стал ударный труд, который удивительным образом сочетался с неизменным использованием традиционных корейских практик обработки земли (бюрократы для его обозначения использовали термин "азиатский способ"). Работа опирается на архивные источники, публикации о корё сарам, собственные полевые материалы автора.

**Ключевые слова:** российские корейцы (корё сарам), рутинное сопротивление, неформальная экономика (кобонди, базары), традиционные знания (Nongsa chiksól, ферментация), "советская соевая революция", соевые бобы

**Для цитирования:** Рыжова Н. П. Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневногo сопротивления. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 67–77. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/67-77>

Original article  
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/67-77>

## Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance. Part 2

Natalia P. Ryzhova  
Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia;  
Palacký University, Olomouc, Czech Republic, n.p.ryzhova@gmail.com

**Abstract.** The second and final part of the article is about the practices of Russian Koreans' routine resistance. The author follows the paradigm proposed by J. Scott while rejecting his idea of the coherence of the state. The work demonstrates how informal economic practices of Koryo Saram (*gobonji*, bazaar trade, production of "Korean salads") were linked to other forms of everyday resistance. The paradoxical "other form," in Soviet times, was shock labor, which was surprisingly combined with the persistent use of traditional Korean land cultivation practices (bureaucrats used the term "Asian mode of production"). The paper is based on archival data, academic and journalist publications on Koryo Saram, and the author's field data.

**Key words:** Russian Koreans (*Koryo Saram*), routine/everyday resistance, informal economy (*gobonji*, bazaars), traditional knowledge (*Nongsa chiksól*, fermentation), "soviet soybean revolution", soybeans

**For citation:** Ryzhova N. P. Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance. Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 67–77. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/67-77>

## Сопротивление "совершенному" аппарату насилия Сталинского государства

Если следовать объяснению депортации корейцев стремлением государства обеспечить Центральную Азию опытными аграриями [11, 29], то масштабная государственная инициатива по созданию рисоводства в регионе, опиравшаяся на физическое насилие, была беспримерно успешной. Мы также должны согласиться с тем, что успешность была обусловлена стремлением корейцев быть передовыми колхозниками [5]. При этом корё сарам, видимо, отличались от угнетаемых крестьян всего мира, которые – как доказывал Скотт и сотни его последователей – рутинно сопротивлялись через саботаж, уклонение, мелкое воровство, и т.п. Мы должны принять, что корейцы оказались еще и более готовыми к насилию, чем даже "сталинские крестьяне" в среднем, которые выбирали "работу спустя рукава, непонимание получаемых распоряжений, безынициативность, мелкое воровство, невыходы в поле по утрам" [19, с. 12], которые убегали из колхозов в город или другие регионы [19, с. 13–14], становились отходниками [19, с. 186–195]. Конечно, импер-

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 25–35.

ское разнообразие, оставшееся в наследство СССР, позволяет предположить многое. Если в Абхазии и сопротивление, и адаптация управлялись местной патронажной сетью на этнической основе [25], почему бы корейцам не быть настолько уникальными, чтобы оказаться единственными несопротивляющимися крестьянами хоть в раннем, хоть в позднем в СССР?

Далее я представлю аргументы, отвергающие эти предположения.

Так же, как в имперское время, государство времен советских репрессий и чисток, индустриализации, коллективизации и внедрения плановых методов не было последовательным. Историки уже достаточно давно продемонстрировали, что согласованность, тотальный контроль и социальная атомизация являются скорее унаследованным словарем холодной войны, чем научной рамкой для понимания сталинского периода [35]. Напротив, и в сталинском СССР существовали конфликты между центром и периферией, административная слабость аппарата, непоследовательность принимаемых решений. Депортируя корейцев (и другие народы), государственный аппарат, конечно, не имел одной причины или одной цели. Попытки найти такую единственную причину-цель (экономическую [11, с. 10–11] или "примордиалистскую" [26]) лежат, на мой взгляд, в плоскости того, что Абрамс назвал "сползанием от принципиального признания государства как абстрактно-формального объекта к рассмотрению его как реально-конкретного агента, обладающего волей, властью и активностью" [24].

Без понимания того, что действовала не просто совокупность факторов, которыми руководствовался Сталин [21, с. 38–57, 49], но множественность центров, агентств и повесток, очень сложно увидеть рутинное сопротивление. Ведь люди не могут сопротивляться идее построения первого советского, передового и самого лучшего государства, а вот абсурдным и опасным действиям чиновников вполне. Отличная попытка показать это представлена в [30]: авторы обсуждают, что региональные власти сопротивлялись идеям Москвы по тотальной депортации корейцев и причина была не в какой-то особой лояльности, но в понимании того, что от корейских крестьян зависит продовольственное обеспечение региона.

Впрочем, очевидно, что и на уровне региона встречались чиновники, захваченные модернистскими идеями, а еще чаще, видимо, стремящиеся выслужиться в их достижении любой ценой. Эти чиновники могли принимать решения, которые иначе чем абсурдными не назовешь. "Колхоз ни одного трактора не получил. Тем не менее во время весенней посевной кампании заведующий отделом райполеводколхозсоюза предложил колхозу в 2-3 дня 'прекратить обработку азиатским способом, не дающим экономического эффекта'; ... председателя... сняли с работы, а агронома привлекли к ответственности 'за неполную ликвидацию азиатских способов'" [14, с. 189].

О том, что корейцы в раннем советском периоде действительно продолжали использовать традиционные техники обработки земли, пресловутые "азиатские способы", писали многие авторы. В 1928 Б. Брук, приехавший инспектировать земли для еврейской автономии, писал: корейская агротехника осталась прежней, совсем не похожей на казачью – корейские крестьяне предпочитают грядки и "огородную культуру", при этом соя играет важную роль естественного удобрения [1].

Азиатский способ производства, однако, мешал не всем функционерам. Были и те, кто разрабатывал и утверждал планы коллективизации, исходя из того, что способ можно масштабировать, предусмотрев "рациональное использование (земли) 'расширяя посевы национальных технических культур, как-то: рис, бобы, масляничные восточные культуры, вплоть до специализации отдельных колхозов по отдельным видам культур'" [14, с. 185–186].

Подпадая под действие этих и других рассогласованных и часто насильственных инициатив, корейцы, конечно, сопротивлялись. Факты, которые я трактую как сопротивление, обнаруживаются в разных работах – правда, авторы так их не маркировали. Одним из предсказуемых способов повседневного сопротивления неразберихе гражданской войны, затем коллективизации стали *побеги*. В отличие от побегов в соседний регион или в город, которые практиковали крестьяне других губерний [19, с. 99–104], дальневосточники, в т.ч. корейцы, часто сбежали за рубеж, в Маньчжурию [12].

Практиковали корейцы *утаивание земельных участков* в тайге: "сложность состояла в уборке и доставке зерна с утаенных от государства посевных площадей. ... Особенно это удавалось корейцам, так как в сырой приморской тайге утаить рисовые посадки... было гораздо легче" [8].

*Неформальная аренда* также продолжилась: "Крестьяне уклонялись от регистрации из-за опасений, что сдача в аренду не будет разрешена... с целью утайки при учете объектов обложения по сельскохозяйственному налогу, или чтобы иметь свободу в установлении арендной платы... Выявлять скрытые договоры местной власти было очень трудно, так как это явление было повсеместным, причем крестьяне, и русские и корейцы, были связаны круговой порукой" [18].

Ужесточение репрессий к середине 1930-х гг. заставило людей отказываться от части этих практик, но все же не полностью. Даже под страхом ареста, депортированные в Казахстан корейцы нередко решались на побег в более благоприятные условия, в частности – в Узбекистан (ЦГАРК. Р. 1490. Оп. 1. Д. 12)<sup>1</sup>, см. также [20, с. 111].

И еще одним способом сопротивления стал... *ударный труд*, за который многие корейцы – "причем массово (получили) правительственные награды" [20, с. 113]. "Высокое знание агротехнических приёмов возделывания культуры риса", "высочайшая урожайность", "освоение новых культур", "впечатляющие достижения корейских земледельцев, которые оказались не разовыми, а своего рода феноменом" не только выделили корейцев из других народов, но потребовали проведения научных изысканий – они стартовали с 1950-х гг. [20, с. 256].

*Труд как сопротивление не является оксюмороном, и ниже я объясню, почему.* Председатели колхозов-передовиков Казахстана и Узбекистана публиковали работы, которые вскрывают любопытную причину феноменального успеха. "В колхозе "Политотдел" отказались от малования – выравнивания верхних слоёв почвы перед посевом и поливами, хотя эта мера применялась во всех хозяйствах согласно научным рекомендациям (подчеркнуто мной – НР) ... 'Вот уже три года мы не малуем ни одного гектара земли, а урожаи растут из года в год'. (но секрет) не только в отказе от малования, но и в отказе от травопольных севооборотов. Восемь лет колхоз сеял хлопок по хлопку, кенаф – по кенафу, кукурузу – по кукурузе... Объясняет этот феномен председатель так: 'Агротехника люцерны требует сплошного посева, что исключает полив по бороздам, поэтому он ведётся напуском'" [20, с. 264–265].

Анализируя эти объяснения председателя, Хан обращает внимание только на грядковый способ производства и напоминает, что о нем писал еще Насекин, чиновник при Приамурском генерал-губернаторе. Однако 500-летняя *Nongsa chiksöl* может объяснить и монокультуру ("восемь лет хлопка по хлопку") и отказ от травопольных оборотов: "Крестьяне перемежают посевы (сои) с кунжутом или зелеными бобами. Они не знают, какой вред наносит урожаем хлопка. Те, кто знает о вредном воздействии, никогда не делают промежуточных культур, а только концентрируются на хлопке" [28, с. 112]. Я не могу доказать, что агрономам или председателям были доступны письменные "Краткие рекомендации" (*Nongsa chiksöl*). Но я подчеркиваю, что *традиционные техники обработки земли* – включая, но не ограничиваясь и знаменитой грядковой культурой – как объяснил сам председатель "Политотдела", были использованы в корейских колхозах *вопреки научным рекомендациям*.

Еще один пример такого рутинного сопротивления научным рекомендациям, спущенным по государственным каналам, можно найти у колхоза "Полярная звезда": "Путем внедрения травопольной (люцерно-хлопковой) системы, хотя и осужденной и отвергнутой президентом Всесоюзной сельскохозяйственной академии Д.Т. Лысенко, они добились обогащения почвы необходимыми органическими веществами, провели большие дренажные работы, мелиорировали перелogi и тугай и т.д. В результате уже в 1950 г. колхоз добился урожая в среднем по 48.2 ц/га, т.е. в два с лишним раза выше" [13, с. 7].

Таким образом, корейцы так же, как и другие "сталинские крестьяне", участвовали в разных формах рутинного сопротивления, но при этом они видимо, быстрее адаптировались, включаясь в стахановское движение. О том,

<sup>1</sup> ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

что стахановская работа стала стратегией особого индивидуального сопротивления, писала Ш. Фицпатрик [19, с. 18, 22, 165]. Однако у нее стахановцы в большей мере занимались игрой в упорный труд, а вот М. Таугер уточняет, что в 1930-х ударная работа и разные формы соревнований были способом адаптации для избежания голода [34]. Представляется, что тезис Таугера подходит для объяснения успехов корейцев в Центральной Азии гораздо больше тезиса Фицпатрик: голод определял ударный труд и объяснял логику корейской стахановщины. Одним небольшим, но важным уточнением к тезису Таугера, для случая корейских стахановцев является то, что они использовали традиционные техники обработки земли и часть стахановского успеха объяснялась их применением.

Пришло время вернуться к "советской соевой революции". Этот кейс отлично демонстрирует множественность агентств, организаций, повесток и центров и показывает парадоксальную роль рутинного сопротивления в реализации государственных инициатив, кампаний, программ. В конце 20-х годов в Казахстане была объявлена "рисовая кампания". Были проведены эксперименты с сортами, доказано, что корейские, японские и приморские сорта в приоритете, как и дальневосточный (корейский) метод. Это стимулировало – как настаивают авторы, придерживающиеся "рисовой версии" – власти пригласить в Казахстан корейских рисоводов. Однако приглашение оказалось затратным, поэтому после переселения двух сотен семей и по прошествии 7-9 лет власти пошли путем принуждения [7, с. 30–39].

Можно согласиться с В. Ханом: "...по меньшей мере странным, если не преступным, выглядит метод распространения этого опыта. Насильственная депортация, поселение в необжитых местах, поражение в правах, ограничение на передвижение и т. п. – трудно представить, что всё это способы поощрения отличившихся новаторов" [20, с. 42–43]. И все же рисоводческая "версия" имеет смысл, если мы признаем множественность агентств, организаций и повесток. Архивные данные не оставляют сомнений, что казахстанские власти если и не предлагали Москве "переселить рисовиков", то эффективно использовали открывшуюся возможность для реализации региональных планов и задач (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2. Л. 181).

Иначе говоря, позиции спорящих ученых можно примирить, если не ображать государство как монолит, способный принимать последовательные решения, но представлять, как разные его агенты и представители следуют своей логике и мотивациям при выселении, вселении, использовании, выполнении планов по внедрению культур, обеспечению едой и т.п.

Но можно ли сравнить "рисовую" и "соевую революцию" и применить выводы одной к другой? Лишь отчасти и вот почему. Соевая кампания имела не региональное, но Всесоюзное значение. В планах советских пропагандистов соя была одной из самых востребованных индустриальных культур. В 1930-х гг. ее планировали производить на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге, в Дальневосточном крае, Дагестане, Украине, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2) и использовать для производства лаков, красок, мыла, пищевых масел и маргаринов, соевых сыра, молока, добавок в мясные изделия и сотни других продуктов, для кормления животных [3, 15]. В массовых экспериментах участвовали маньчжурские, приморские и американские сорта (ЦГАНТД. Ф. Р-318. Оп. 12. Д. 23)<sup>2</sup>, а в научных "местные" украинские, кавказские и любые, какие удавалось найти на месте (ЦГАНТД. Ф. 318. О.1-1. Д. 935).

Повсюду, кроме корейских колхозов на Дальнем Востоке, сою массово внедряли через сопротивление крестьян. Она должна была перевернуть сельское хозяйство, и тем самым дать СССР возможность повторить индустриальный успех США (ЦГАНТД. Ф. Р-318. Оп. 11. Д. 205). На совещании в Москве, где обсуждались провалы массовых посадок сои на Северном Кавказе (а соя там гибла с 1928 по 1934 гг.), звучало: "одним из основных недостатков... является игнорирование совхозного сектора... вы знаете, какую роль в посеве сое сыграла общественность, какую роль сыграл в этом отношении Комсомол. То большое соревнование, которое шло между Украиной и Северным Кавка-

<sup>2</sup> ЦГАНТД – Центральный государственный архив научно-технической информации.

зом, конечно, двинуло чрезвычайно самую динамику посевных площадей..." (ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 3. Д. 1058).

В целом совещание было посвящено поиску подходящих новых сортов и агротехник. Знали ли участники совещания, что корейцы владеют тем и другим? Непосредственно они это не обсуждали. Но о корейской соевой технике знали и в Академии наук [2] и в Наркомземе [1]. Плановые органы видели в корейской агротехнике даже потенциал для масштабирования: "Издавна экономика сельского хозяйства корейских районов развивалась ... по сути узкой специализации ее на технических культурах (рис, бобы, пайза, чумиза). Этот яркий тип естественной специализации<sup>3</sup> надо закрепить, превратив корейские районы в дополнительные районы монокультур, с распространением на них всех прав и преимуществ, предоставляемых правительством для прочих монокультурных районов СССР – хлопководческих, табаководческих, свекловичных" [14, с. 187].

Однако корейскую агротехнику не приняли к масштабированию поскольку она требовала отсталого ручного труда и не подходила на роль "революционной" для всего СССР. Более того, ее не приняли и для Центральной Азии. Хотя корейцам предоставили некоторые права для выращивания сои, но едва ли предоставили хоть какие-то возможности. В 1960-х Ионова, один из первых этнографов, проводивших полевые исследования среди центральноазиатских корейцев, напишет, что советское государство всячески помогало интродукции бобовых, в т.ч. освобождая корейских переселенцев от налогов [4, с. 315].

Могла ли эта "помощь" создать в Казахстане соеводство или хотя бы компенсировать те потери, которые отрасль понесла из-за переселения единственных в стране умелых соеводов? Нет. На Дальнем Востоке корейцы не только использовали подходящий климат, но и обладали разнообразными ресурсами для выращивания "революционных семян". Данные по имуществу, сданному на Дальнем Востоке, показывают, что сою производили почти все корейские колхозы (даже рыболовецкие). При этом, если судить по квитанциям хозяйств, которые успели зафиксировать сдаваемое имущество (Шмаковский, Верхнеиманский, Советской культуры, Путь Ильича и др.), то в структуре совокупных активов (они включали дома, скот, машины) на сою приходилось около 15%. В структуре производства растительной продукции на сою приходилось 30-40% всего выращенного сданного и оставленного на корню урожая (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2. Л. 4а,7-8, 13-14, 27, др.). Под сою отводились существенные наделы земли, и эта земля была пригодной именно для выращивания соевых бобов: так, в колхозе "Советская культура" на сою приходилось 25% всех посевов. Такие пропорции определялись, видимо, закупной ценой этой культуры – 55 р/ц (рис закупали за 28,5 р/ц) (ЦГАРК. Ф. Р-1490. Оп. 1. Д. 2. Л. 37).

Всего по квитанциям, осевшим в архивах Переселенческого отдела при НКВД КазАССР, корейцы сдали при выселении 43538 ц сои, предъявили квитанций на месте вселения к осени 1938 г 12048 ц, а смогли получить менее 1% от сданной сои – всего 31 ц (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-8, 13-14). Этот 31 ц сои корейцы смогли получить в 1938 г и только в Алматинской области. При этом 3 ноября 1937 Предсовнаркома Исаев сообщал в НКВД (Москва), что "таких культур как соя у нас совершенно не имеется" (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2, Л. 212).

Следует отметить, что "соевая революция" к 1937 г. потеряла уже большую часть своего запала. Соя, посаженная из неадаптированных семян в неподходящие, неизученные почвы, гибла, а внедрение других масличных культур оказалось более успешным. Научные эксперименты с соевыми бобами не были полностью свернуты: начавшись на Алматинской станции в 1931 г они не прекращались до войны и были возобновлены сразу после. Более того, эксперименты велись в 1934–35 гг. даже на опытной станции при Карлаге (ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 15. Д. 74). Алматинская станция уже в 1930 г обнаружила местные Дунганские сорта и, следовательно, выявила местных производителей сои (ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 15. Д. 245). Однако массовые посевы не велись. Иначе говоря, обеспечить корейцев значительным семенным матери-

<sup>3</sup> Утверждение о монокультурности и специализации, конечно, совершенно ошибочно.

лом для развития соеводства в Казахстане было невозможно. Но можно было включить их в эксперименты. Такой попытки сделано не было – и это еще один аргумент в пользу непоследовательности государственной машины.

Корейское соеводство в Узбекистане, возможно, развивалось несколько иначе (что требует дополнительных исследований). Во всяком случае В. Хан свидетельствует, что в 1938 г корейцам были запланированы посевы бобовых [20]. Тем не менее к 1939 г (РГАЭ Ф. 9430. Оп. 1. Д. 51)<sup>4</sup> от форсированного развития соеводства в Узбекистане также отказались; соя уступила хлопку, с которым конкурировала с 1930–31 гг. (ЦГАНТД Ф. Р-318. Оп. 12. Д. 23).

Как бы то ни было, решение о депортации корейцев не было связано с развитием соеводства в Центральной Азии. Конечно, переселенные были заняты в основном в сельском хозяйстве и так или иначе вовлекались в реализацию разнообразных аграрных кампаний того времени (рисовую, хлопковую, кенафную). Соевая кампания сильно отличалась от перечисленных: за них в первую отвечали республики, а за соевую – центральные структуры (Наркомзем, Масложирсиндикат и ВАСХНИЛ). "Азиатский способ" агропроизводства не соответствовал модернистским идеям индустриализации сельского хозяйства, не подходил для соевой – и шире индустриальной аграрной – революции. Москва, не планируя соевое производство для Казахстана и Узбекистана, не дала корейцам возможности попробовать применить традиционные техники обработки земли для масштабного производства в новых условиях. Вероятно, если бы такие планы были реализованы, корейцам пришлось искать способы выхода, и они вновь бы обратились к традициям и здравому смыслу. Они могли бы создать метис в терминах Скота. Начальные инициативы поменялись бы и, возможно, до неузнаваемости, но все же как-то реализовались. От этого метиса зависело выживание и именно благодаря этому рутинному сопротивлению – а вовсе не желанию подчиняться/ стать передовыми стахановцами – двигались государственные программы, инициативы и эпопеи.

### Кобонди и базары:

#### запутанность действий властвующих и подвластных в позднем СССР

Если корейцы оказались такими умелыми земледельцами, почему изучавшие их опыт в 1950–1970 гг. советские ученые не выявили "секретов" и не сравняли шансы корейцев с другими советскими аграриями? Или, если эти секреты были выявлены, почему советское руководство не воспользовалось ими для решения возвращающихся проблем продовольственного дефицита? Ответ, который я предложила в предыдущем разделе – корейские традиционные техники противоречили идее аграрной индустриализации. При этом к 1960-му г СССР хотя и не достиг поставленных целей, но в значительной степени продвинулся в сельскохозяйственной механизации, использовании агрохимии и селекционных семян.

Означает ли это, что корейские техники оказались ненужными и забытыми? Да, если мы говорим о централизованных агентах и представителях государства. Не совсем, если мы обращаем внимание на его региональных представителей. И точно нет, если в фокусе – сами аграрии (от председателей до рабочих). Они трансформировали эти практики и вновь использовали их как способ сопротивления – уже не абсурду без-тракторной индустриализации, а плохо организованной и скудно оплачиваемой работе в колхозе. В результате сформировались уникально-корейские ниши неформальной/ параллельной экономики. Самой известной из них стала кобонди – бригадная форма организации труда корейцев, заключающаяся в сезонной неформальной аренде земли и производстве на ней агрокультур. Такие бригады ездили по всему Союзу, обеспечивая производство лука и других трудо-затратных овощей. Урожайность бригад кобонди значительно превышала урожайность обычных бригад, что позволяло колхозам выполнять план (т.к. формально вся продукция учитывалась как произведенная колхозом), а корейцам отлично зарабатывать. Принципиальным отличием кобонди от, например, шабашничества, была опора только на этнические связи. Кроме того, кобондя (работники бригад) как правило использовали традиционные корейские техники обработки земли [23].

<sup>4</sup> РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

В. Хан последовательно связывает кобонди с государственным насилием, а кроме того, объясняет, почему феномен существовал десятилетиями и советские власти не пытались эту неформальную и идеологически неверную практику уничтожить. Ученый, объясняя истоки неформальной бригадной аренды, утверждает, что первыми участниками кобонди стали уклонисты от трудармии [20, с. 95]. Председатели колхозов, зажатые тисками жестких планов военного времени, скрытно использовали труд беглецов [22, с. 299]. Впоследствии обоюдное желание председателей колхозов выполнить план и людей заработать не просто поддерживало, но развивало практику кобонди в долгие десятилетия советского застоя. Вначале они работали на местах, потом стали выезжать в соседние регионы, а затем ездили по всей стране.

Феномен кобонди хорошо иллюстрирует заголовок этого раздела – действия властвующих и подвластных никогда не разделены непроницаемой стеной. Председатель колхоза, нанимавший кобонди, хотя и был "властвующим" для рабочих колхоза, сам находился под прессом невыполнимых планов. О неформальной аренде земли и неформальных бригадах знали не только председатели и агрономы. Знали все колхозники – в конце концов, корейцы были не прозрачными духами, а реальными людьми. Знали и региональные власти, которые, с одной стороны, смотрели на неформальную аренду сквозь пальцы, а с другой – пытались на неформалах заработать [23, с. 99]. Так или иначе, но вся советская экономика состояла из таких параллельных реальностей. В Амурской области колхозы, особенно расположенные в зонах рискованного земледелия, неформально распахивали участки в сопках – это позволяло включать параллельный урожай в общие объемы по выполнению плана, привлекали неформальные бригады строителей – это позволяло сэкономить выделенные фонды, быстро построить школу или новый зерновой двор и даже привлечь в колхоз молодых специалистов (ПМА-1. М., 68, **Амурская область, Свободненский район**)<sup>5</sup>.

Далеко не всем феноменам параллельной советской экономики "повезло" так, как кобонди, который изучен очень детально [1; 31; 32]. Две другие неформальные экономические ниши корё сарам, которые также связаны с традиционными знаниями – это *базарная торговля* и *производство еды на продажу* – практически не описаны в литературе.

Кореевцы часто пишут, что для корейцев, проживающих на постсоветском пространстве, базар стал значимым способом адаптации в постсоветской реальности [6; 9; 10; 21; 32]. Это, однако, не следует понимать так, что базар вошел в повседневность корё сарам только после распада СССР. Базары, как идеологически неприемлемые/сомнительные формы торговли, трансформируясь и адаптируясь, совсем ненадолго исчезая, функционировали на протяжении всего существования СССР [27]. В момент переселения корейцев рынки были маргинализированы, ассортимент был узким, но все же они существовали, и там можно было купить/продать произведенный продукт. В Центральной Азии корейцы, видимо, очень быстро включились в базарную торговлю. Так, Г. Ким со ссылкой на архивные данные показывает, что советские власти уже в конце 1930-х издавали распоряжения, препятствующие тому, чтобы корейцы свободно продавали произведенный рис [11, с. 102–103]. Ташкентский Куйлюк, расположенный на левом – противоположном от города – берегу р. Чирчик, соседствовал с корейскими колхозами [9, с. 106]. Благодаря этому соседству он вскоре начал восприниматься как "корейский рынок" [21]. О том, что основными продавцами на нем были рабочие соседних колхозов, косвенно свидетельствует этнограф Ю. Ионина. Она так описывает колхоз "Политотдел" (ставший в 1960-х гг. известным на весь Союз): до 1953 г. он был "одним из самых слабых в районе"; причина крылась в "частнособственнических тенденциях и тунеядстве", а также в "непомерно больших приусадебных участках" [4, с. 319]. Если перевести с канцелярита, то становится понятным, что колхозники мало уделяли внимания колхозным посевам, предпочитая личные участки, кто-то и вовсе не работал в колхозе, а трудился на себя.

<sup>5</sup> ПМА-1 – полевые материалы автора по проекту "Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ".

Именно на таких участках Ионова обнаружила и грядки с соевыми бобами, которые "отлично прижились", а семена для них были "привезены еще с Дальнего Востока" [4, с. 317]. Сложно сказать, росла ли соя на каждом участке, но очевидно, что она не была редкостью. Что важнее – ее активно использовали в практиках приготовления традиционной еды. *"Соевый соус, конечно, был катастрофой. Запахи стояли ужасные. Откуда бабушка взяла рецепты, я не знаю... но когда соус появился в продаже, мы все радовались. Пришлось ее еще уговаривать отказаться (от домашнего приготовления)"* (ПМА-2. М., 37, Хабаровск)<sup>6</sup>. *"Я много чему научилась у подружки. Мы тогда жили в Алматы. Морков-че, ким-чхи, хе из мяса. Но соевый соус, нет. Это какой-то высший пилотаж. Размолоть, сквасить, высушить, заново залить водой. Я даже не пробовала"* (ПМА-2. Ж., 51, Санкт-Петербург).

Производство сои корейцами, едва ли можно хоть как-то вписать в соевую революцию: это было две параллельных реальности. Соевые бобы не стали использоваться для производства соевых котлет или зефира (а такие рецепты в изобилии были разработаны в 1930-х), а стали обязательным атрибутом корейских салатов, появившихся в продаже на Куйлуюке (Ташкентский базар) и других базаров уже в 1960-х – 1970-х гг. Об этом свидетельствуют ташкентцы<sup>7</sup>, журналисты и официальные лица [29, с. 48–49]. Об этом говорили и мои информанты: *"Сколько себя помню, мама работала на базаре, продавала овощи, которые вырастила наша семья"* (ПМА-2, м., 55 л, Алматы). *"Дедушка был с Северной Кореи. Они вначале жили на Сахалине, а в 1970-х переехали в Хабаровск. Папа говорил, что он уезжал (на работу в кобонди – НР) почти каждое весну и лето... Бабушка не работала, воспитывала детей. И еще делала дома салаты... продавала их тетя"* (ПМА-2, ж., 39 л, Хабаровск).

Корейские салаты упомянуты в работах многих исследователей [6, 9, с. 105–115, 21, с. 147], но мне не удалось найти подробного описания, тем более анализа того, как еда, ставшая традиционной для корё сарам, перекочевала на базар. Попробую предположить. Рецепты корё сарам хоть и отличаются от южнокорейских, но предполагают использование традиционных способов ферментации овощей и включают такие обязательные атрибуты, как соевый соус и соевая паста [31]. Ферментация, известная многим народам, является незаменимым способом сохранения еды, что удобно и продавцу, и покупателю, особенно в жарком климате. Добавление соевой пасты, характерное для корейских, китайских, японских ферментированных блюд, не только улучшает вкус, но и повышает пищевую ценность растительной (а потому легкой) пищи. Таким образом, ферментация, пищевая ценность, низкая цена, традиционный, но непростой для повторения рецепт (соуса и пасты), объясняют коммерческий успех и устойчивость этой рыночной ниши.

Подводя итог ответу на вопрос, как корейцы сформировали особые, отличные от других социальных/этнических групп неформальные экономические практики/ ниши, еще раз подчеркиваю, что причиной тому было продолжающееся насилие. Подвергаясь регулярным гонениям, оказываясь на грани голода, они сохраняли техники использования земли, методы ферментации и традиционные культуры (сою и рис). В этом сохранении не было, на мой взгляд, "магии" этнической солидарности, но постоянно присутствовало рутинное сопротивление. Сопrotивляясь абсурдным указаниям, они использовали знакомые техники обработки земли и через это становились стахановцами и развивали рисоводство в Центральной Азии. Благодаря сопротивлению и использованию традиций, они становились эффективными предпринимателями и торговцами, когда оба эти слова тотально противоречили идеологии.

### Заключение

Соевая революция не была связана с решением о депортации корейцев. Однако это решение привело к тому, что соя стала ингредиентом корейского неформального предпринимательства. Это предпринимательство имело осо-

<sup>6</sup> ПМА-2 – полевые материалы автора по проекту "Неизвестная советская соя: растение и жизнь на периферии".

<sup>7</sup> См: UPL: (<https://gazeta-rk.ru/planeta-moej-yunosti-kujlyuk/>) (дата обращения: 10.07.2023).



бенный характер и отличалось от других форм (например, шабашничества) не только тем, что строилось на этническом факторе (в группы шабашников вовлекались люди разных социальных, этнических групп), но тем, что связывало воедино разнообразие практик корейского рутинного сопротивления.

Как утверждал Скотт, "цель подавляющего большинства крестьянских сопротивлений состоит не в непосредственном свержении или трансформации системы господства, а в выживании в ней сегодня, на этой неделе, в этот сезон" [33, с.331]. Корё Сарам, видимо, не преследовали изменения господства, а вот их выживание зависело – при чем и в имперский, и советский периоды – от неформальной аренды земли (а временами от ее утаивания в тайге), от выбора культур для посева и, что крайне важно, от приверженности традиционным техникам обработки земли. В Центральной Азии одной из на первый взгляд нелогичных (но точно отличных от описанных Скоттом) практик стал ударный труд. Этот труд, упорный, но приносящий малую отдачу, вместе с уклонением от трудовой, как утверждает Хан, заложили основу кобонди. Я полагаю, что эта практика также неотделима от стойкой приверженности техникам обработки земли, которые в течение ста лет рассматривались российскими чиновниками как отсталые и недостойные, но которые позволяли корейцам вначале выживать, а потом и неплохо зарабатывать в рамках неформальной/параллельной экономики.

Реализация многих этих практик была возможной из-за запутанности, отсутствия четкой границы между целями и действиями властвующих и подвластных. В имперское время, не имея своей земли, корейцы были вынуждены обрабатывать казачьи земли, что одновременно служило интересам самих корейцев и интересам казачества и более высоких властей в удержании вновь приобретенных земель; в раннее советское время – подстегиваемые голодом корё сарам включались в стахановское движение, позднее – в базары и бригады кобонди, что помогало председателями колхозов, локальным и региональным руководителям решать свои задачи в плохо работающей экономической системе.

## Литература

1. Бирско-Биджанский Район Дальне-Восточного Края. Вып. 1. Предварительный сводный отчет экспедиции. СССР. ЦИК. Комитет по земельному устройству трудящихся евреев. М.: Тип. ЭМЕС, 1928.
2. Вульфсон С. Культура сои // Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М.: Сельхозгиз, 1936. С. 57–64.
3. Иольсон Л.М. Соя. Химия, технология и применение. М.: 1932.
4. Ионова Ю.В. Этнография Кореи. Российское корееведение в прошлом и настоящем. М.: Первое марта, 2011.
5. Исхаков Ф., Ким М. Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза "Полярная звезда"). Ташкент, 1972.
6. Каменских М. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. Litres, 2022. 209 с.
7. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы, 1996.
8. Караман В. Н. Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в. // Центральный государственный музей Томской области. Мемориальный музей "Следственная тюрьма НКВД". URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/publication/Karaman/> (дата обращения: 10.07.2023).
9. Ким Б.И. Ветры наших судеб: Сов. корейцы. История и современность. Ташкент: Узбекистон, 1991. 180 с.
10. Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению. Алматы, 2013. 775 с.
11. Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана: Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1989.
12. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004.
13. Международная научно-практическая конференция: Ким Пен Хва и Корейцы Узбекистана. Тезисы докладов. Ташкент, 2005.
14. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России. Иркутск. Ирк-кий гос. пед. ин-т, 1995.
15. Попов В.А. Соевые бобы и сырьевая проблема жировой промышленности. Масложирсиндикат. М.-Л.: Промиздат, 1927. 86 с.
16. Рубинский В.А. Отчет о произведенных в 1915 г Амурской агрономической организацией опытах по культуре маслиничной сои в условиях Амурской обл. Благовещенск: Тип. Хворова, 1916.

17. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске. Хабаровск, 1899.
18. Стасюкевич С.М. Некоторые аспекты землепользования корейцев в советском Приморье в 1920-х гг. Актуальные проблемы соц-гум наук. Сб. науч. тр. ДАЛьГАУ. Благовещенск, 2019. С. 46–57.
19. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. РОССПЭН, 1994. 421 с.
20. Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. Ташкент: Baktria press, 2021.
21. Хан В.С. Корё сарам: Кто мы? Очерки истории корейцев. Бишкек, 2009.
22. Хан В. С. О причинах возникновения кобонди // Ариран - 1937. Альманах. Вып. 1. Ташкент: "Санъат", 2008. С. 93–100.
23. Хан В.С. О специфике трудовой деятельности коре сарам в СССР: кобонди - образ рынчонника в нерыночной экономике// 러시아지역 해외한민연구 3권. 서울. 2019. С. 289–325.
24. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // Journal of Historical Sociology. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
25. Blauvelt T.K. Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery: A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. № 3. P. 78–108.
26. Chang J.K. Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East. Un-ty of Hawaii Press, 2016. 289 p.
27. Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917-1953. Princeton Un-ty Press, 2004.
28. Jun S.H. Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chiksöl). Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
29. Hho S. Koreans in Soviet Central Asia (Studia Orientalia, 61). Helsinki: Finnish Oriental Society, 1987. 262 p.
30. Kim A., Surzhik M., Mamychev A. Soviet Koreans and Far Eastern NKVD in the 1930s // East Asia. 2021. № 1 (38). 3. 93–103.
31. Kwon D.Y., Chung K.R., Jang D.-J. The history and science of Chongkukjang, a Korean fermented soybean product // Journal of Ethnic Foods. 2019. № 1 (6). P. 1–17
32. Nazarova O. Koreans in Turkmenistan: History and Modern Situation// Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond/ Ed. J. Reckel, M. Schatz. Universitätsverlag Göttingen, 2020. P.43–50.
33. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
34. Tauger M. Soviet Peasants and Collectivization, 1930-39: Resistance and Adaptation // The Journal of Peasant Studies. 2004. № 3–4 (31). P. 427–456.
35. Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. № 1 (1). P. 45–69.

## References

1. Birsko-Bidzhansky District of Far-Eastern Krai. Is.1. Preliminary report of the expedition. USSR. Committee for the Land Arrangement for Jews. M: EMES, 1928. (In Russ.).
2. Wolfson S. Culture of soya // Agriculture of the USSR. Yearbook 1935. M.: Selkhozgiz, 1936. P. 57–64. (In Russ.).
3. Iolson L.M. Soybean. Chemistry, technology and application. M.: 1932. (In Russ.).
4. Ionova Y.V. Ethnography of Korea. Russian Korean studies in the past and present. Moscow: First March, 2011. (In Russ.).
5. Iskhakov F., Kim M. People of happy fate (About the workers of the collective farm "Polar Star"). Tashkent, 1972. (In Russ.).
6. Kamenskikh M. Koreans in the Perm Territory: sketches of history and ethnography. Litres, 2022. 209 p. (In Russ.).
7. Kan G.V. History of Koreans of Kazakhstan. Almaty, 1996. (In Russ.).
8. Karaman V.N. Political repressions against the peasantry in the Far East of the USSR in the 20-30s of the twentieth century. // Central State Museum of the Tomsk Region. Memorial Museum "Investigative Prison of the NKVD". URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/publication/Karaman/>. (In Russ.).
9. Kim B.I. Winds of our destinies: Sov. Koreans. History and Modernity. Tashkent: Uzbekiston, 1991. 180 p. (In Russ.).
10. Kim G.N. Selected works on Korean studies. Almaty, 2013. 775 p. (In Russ.).
11. Kim G.N. Socio-cultural development of Koreans in Kazakhstan: Scientific and analytical review. Alma-Ata, 1989. (In Russ.).
12. Lykova E.A., Proskurina L.I. Village of the Far East in the 20-30-ies of the XX century: Collectivisation and its consequences. VI-k: Dalnauka, 2004. (In Russ.).

13. International Scientific and Practical Conference: Kim Pen Hwa and Koreans of Uzbekistan. Theses of reports. Tashkent, 2005. (In Russ.).
14. Pak B.D. Koreans in Soviet Russia. Irk State Pedagogical Institute, 1995. (In Russ.).
15. Popov V.A. Soybeans and raw material problem of fat industry. Maslozhirsyndikat. M.-L.: Promizdat, 1927. 86 p. (In Russ.).
16. Rubinsky V.A. Report on the 1915 experiments of the Amur agronomic organisation on the culture of oilseed soybean in the conditions of the Amur region. Blagoveshchensk: Tip. Khvorov, 1916. (In Russ.).
17. Smirnov E.T. Priamursky Krai at the Amur-Primorsky exhibition of 1899 in Khabarovsk. Khabarovsk. Khabarovsk, 1899. (In Russ.).
18. Stasyukevich S.M. Some aspects of land use of Koreans in the Soviet Primorye in 1920s. Actual issues of social and humanitarian science. Collective volume. DALGAU. Blag-sk, 2019. P. 46–57. (In Russ.).
19. Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Social History of Soviet Russia in the 30s: the Village. ROSSPEN, 1994. 421 p. (In Russ.).
20. Khan V.S. Historiography of Koreans of Central Asia: main directions and stages of development. Tashkent: Baktria press, 2021. (In Russ.).
21. Khan V.S. Koryo Saram: Who are we? Essays on the History of Koreans. Bishkek, 2009. (In Russ.).
22. Khan V.S. About the causes of kobondi // Ariran – 1937. Almanac. Vol. 1. Tashkent: "San'at", 2008. P. 93–100. (In Russ.).
23. Khan V.S. On the specifics of labour activity of Koryo Saram in the USSR: gobonji – image of a market man in a non-market economy// 러시아지역 해외한민연구 3권. 서울. 2019. p. 289–325. (In Russ.).
24. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // Journal of Historical Sociology. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
25. Blauvelt T.K. Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery: A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. № 3. P. 78–108.
26. Chang J.K. Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East. Un-ty of Hawaii Press, 2016. 289 p.
27. Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917-1953. Princeton Un-ty Press, 2004.
28. Jun S.H. Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chiksöl). Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
29. Hho S. Koreans in Soviet Central Asia (Studia Orientalia, 61). Helsinki: Finnish Oriental Society, 1987. 262 p.
30. Kim A., Surzhik M., Mamychyev A. Soviet Koreans and Far Eastern NKVD in the 1930s // East Asia. 2021. № 1 (38). 3. 93–103.
31. Kwon D.Y., Chung K.R., Jang D.-J. The history and science of Chongkukjang, a Korean fermented soybean product // Journal of Ethnic Foods. 2019. № 1 (6). P. 1–17.
32. Nazarova O. Koreans in Turkmenistan: History and Modern Situation // Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond/ Ed. J. Reckel, M. Schatz. Universitätsverlag Göttingen, 2020. P.43–50.
33. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
34. Tauger M. Soviet Peasants and Collectivization, 1930-39: Resistance and Adaptation // The Journal of Peasant Studies. 2004. № 3–4 (31). P. 427–456.
35. Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. № 1 (1). P. 45–69.



### Информация об авторе

Наталья Петровна Рыжова, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика; заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

### Information about the author

Natalia P. Ryzhova, Doctor of Economics, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Поступила в редакцию 24.07.2023

Одобрена после рецензирования 11.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 24.07.2023

Approved 11.11.2023

Accepted 23.11.2023